

ТЕОРИЯ БИБЛИОГРАФИИ И БИБЛИОТЕЧНАЯ ПРАКТИКА

УДК 01:001.5+001.12:001.4

СОВРЕМЕННАЯ БИБЛИОГРАФИЯ В КОНТЕКСТЕ ПОСТМОДЕРНИЗМА И СИНЕРГЕТИКИ

В.А. Фокеев

(Российская государственная библиотека, г. Москва, Россия)

Библиография рассматривается как самоорганизующаяся система, доказывается целесообразность использования синергетики в качестве научного средства для изучения библиографических феноменов, концепций с целью установления их целостности, непротиворечивости, методологической корректности и достаточности для объяснения библиографической реальности.

Ключевые слова: коммуникации, социальный институт, система

Бібліографія розглядається як система, що самоорганізується. Доводиться доцільність використання синергетики як науковий засіб для вивчення бібліографічних феноменів, концепцій з метою встановлення їх цілісності, несуперечності, методологічної коректності та достатності для пояснення бібліографічної реальності.

Ключові слова: комунікації, соціальний інститут, система

Bibliography is examined as a self-organized system. It proves the expedience use of synergy as a scientific mean for the bibliographic phenomena studying, conceptions with the purpose of establishment of their integrity, consistency, methodological correctness and sufficiency for explanation of bibliographic reality.

Keywords: communications, access, system

Экспликация библиографии с постнеклассических позиций

Современная библиография, или постпрото(нео)библиография, – информатизированный компонент социокультурного комплекса документированного знания, коммуникации и ценностной ориентации в информационных потоках и массивах, реализующий интеллектуальный доступ к фиксированным источникам информации (текстам, документам, книгам и пр.) на уровне их идеальных образов (моделей) и формирующий информационную (книжную) культуру XXI века.

Это библиография, формирующаяся в условиях развития постнеклассической науки с ее новым подходом к теоретическому воспроизведению реальности на основе поликонцептуализма и полиметодологизма.

Прежде всего этот подход выражается в более широком, чем ранее, представлении о библиографии. В литературе чаще всего библиография определялась как деятельность, информация, культура, социальный институт соответственно с позиций деятельностного, информационного, культурологического, социоинституционального подходов.

При этом, в соответствии с традиционной науковедческой парадигмой, в рамках библиографоведческой классики избранный подход или метод, способ познания (например, восхождение от абстрактного к конкретному в информационно-документографической концепции О.П. Коршунова) объявлялся единственно истинным. Профессор О.П. Коршунов категорически заявлял: «Теоретически воспроизвести библиографию, взятую в целом, можно только на основе системно-деятельностного подхода способом диалектического восхождения от абстрактного к конкретному» [3].

Подобное методологическое ограничение идет вразрез с основными постулатами постнеклассической науки. Современная теория выдвигает ряд интерпретаций библиографии в соответ-

ствии с указанными выше подходами.

С точки зрения **деятельностного подхода**, библиография, разновидность деятельности, связанной с идентификацией документов, обеспечением интеллектуального доступа к ним, – это библиографическая деятельность (**БД**), **деятельность по обеспечению интеллектуального (идеального) доступа к источникам знания библиоинформационными средствами**.

Разработчики данного подхода заявляют, как правило категорически, что «библиография» и «библиографическая деятельность» – синонимы (библиография – это библиографическая деятельность) и что компоненты БД – цели, субъекты, объекты, процессы, средства, продукты (результаты) – охватывают все библиографическое, ибо деятельность – двигатель и условие развития человеческого общества.

Согласно **социологическому подходу**, библиография – библиографический социальный институт (БСИ) – частный социальный институт одного из основных (базовых) СИ – интеллектуального, ноосферного, социокоммуникационного, социокультурного института.

Социологический подход четко описывает библиографию в форме социального института, направленного на духовное жизнеобеспечение общества, а деятельность, знание, культура – лишь компоненты БСИ. Выходит, что библиография – это социальный институт.

В соответствии с **когнитивно-информационной позицией**, библиография – библиографическое знание (БЗ) – компонент знания, ноосферы (сферы разума, интеллекта, знания, «духовная оболочка» земли) или (информация, БИ) компонент инфосферы.

Главное в библиографии («принцип отграничения библиографических явлений от небиблиографических») – библиографическое знание и/ или библиографическая информация, по отношению к которой все компоненты, составляющие библиографию, – вспомогательные. Следовательно, библиография – это библиографическая информация, т.е. информация, идентифицирующая источники знания, реализующая интеллектуальный доступ к ним (или библиографическое знание – знание об источниках знания – фиксированных текстах, а также связанных с ними явлениях). В широком понимании, которого придерживается ряд специалистов, библиографическая информация включает в свой состав и библиографоведческую информацию (о библиографии) и, соответственно, библиографическое знание – знание о библиографии (библиографоведение).

В **культурологическом понимании библиография**, библиографическая культура (БК) – компонент культуры. Культурологи утверждают также, что объемы понятий «библиография» и «библиографическая культура» равны, т.е. библиография – это библиографическая культура, качественный уровень библиографии, достигнутый в том или ином социуме.

Выходит, что описать библиографию можно, только однозначно, безусловно став на платформу одного из подходов. Однако всегда остается «нечто», не охваченное любым подходом, какой-то «остаток», который мешает безусловному триумфу каждого из означенных подходов и, соответственно, концепций, школ.

Упрощенно говоря, библиография – это деятельность **и еще нечто** (например, отчужденное от деятельностного процесса «опредмеченное» библиографическое знание, мир знания (информации) или это информация, но взятая в каком-то определенном (например, в системно-деятельностном) контексте и т.д.

Таким образом, логически непротиворечивой, целостной, гармоничной картины библиографического мира в традиционной теории библиографии, в классической и неклассической науке не получается. Выход мы видим в одном: в применении принципа дополненности.

Согласно этому принципу, предложенному Н. Бором, внутри «единого мира» существуют предметы, описываемые то одним, то другим принципом (классический пример – физика – волновой и корпускулярный). Иначе говоря, объект может быть осмыслен только при наличии логической оппозиции.

Это парадокс не действительности, онтологии, а теоретического мышления. Всеобъемлющая теория, как бы примиряющая все точки зрения, должна уметь парадоксально соотноситься сама с собой, сочетая оспаривающие друг друга логические тотальности.

При этом соперничающие теории существуют только при взаимном дополнении. Один подход к библиографии, в соответствии с данным принципом, только тогда и возможен, когда дополняется другими.

Согласно принципу дополненности, библиография – это нечто целое, объединяющее библиографическую деятельность, культуру, информацию (знание), социальный институт.

Таким образом, мы приходим к правомерности конструирования «библиографического квадрата».

Если уместна аналогия «библиографического квадрата» со знаменитым «черным квадратом» К. Малевича, то они сопоставимы по загадочности и сложности осознания, неопределенной таинственности. Каждая сторона «библиографического квадрата» тяготеет к самостоятельности, поглощению всех остальных аспектов библиографии, которые представляются подчиненными главной, выделенной в названии, «ведущей» стороне.

Мы утверждаем, что названными сторонами континуум библиографии исчерпан. Правда, исследователи предлагают и некоторые другие варианты, определяя библиографию, например, как метод (М.Г. Вохрышева, Н.А. Сляднева) или процесс (В.П. Леонов).

Но метод и процесс являются компонентами более широкого явления – деятельности. В истории библиографии известно определение библиографии как библиографических пособий. Однако понятно, что пособия – способ существования и функционирования библиографического знания (информации) и, таким образом, они входят в «информационно-знаниевую» ипостась библиографического квадрата.

Проведенный нами анализ подтверждает правомерность понимания библиографии как ноосферного феномена с указанием на ее принадлежность к входящему в ноосферу социокультурному комплексу средств познания, коммуникации и ценностной ориентации в мире источников знания (информации).

Ведущая категория библиографии – интеллектуальный доступ к источникам знания

На протяжении веков развития отечественной библиографии и ее теории специалисты выдвигали и обосновывали различные сущностные категории, указывающие на миссию библиографии, ее социальное назначение. Среди них выделяются, прежде всего, такие категории.

Знание, познание. В XIX – первой половине XX вв. понимание библиографии как области знания со значением познания, изучения книги преобладало. Однако к середине XX столетия выявилась недостаточность и некорректность таких представлений. Оказалось, что познавательные, научные аспекты библиографии, конечно, имеются, но их значимость некорректно преувеличивать за счет других функций и признаков библиографической сферы.

Идентификация документов, их потоков и массивов – составляющая обеспечения библиографического доступа, его основа – распознавание источников знания (информации), причем не только по формальным, но и по всему комплексу содержательных, оценочных признаков библиографических объектов их целостности. Эта категория, которая вошла в прошлом веке во многие определения библиографии, – частный случай библиографического знания и, разумеется, не охватывает всех библиографических проявлений.

Ценностная ориентация (ориентировка), ориентирование в мире книг. С середины XIX – начала XX вв. существует традиция восприятия библиографии как средства, метода ориентации в книжных (затем документальных) потоках и массивах. Естественно, библиографию можно представлять в качестве такого средства (метода). Однако, кроме ориентировочных, в библиографию входят и другие – познавательные, информационные, социокультурные и иные компоненты.

Пропаганда книги. Данная категория указывает на разновидность ценностной ориентации, когда за основу берется идеологическая оценка источников знания. Аналогичное место занимает **реклама** (рекламная библиография), основывающаяся на потребительской оценке фиксированных текстов.

Управление. Категория, являющаяся частным случаем ценностной ориентации. Осознание библиографии как управленческого уровня книжного дела (системы документальных коммуникаций) характерно для некоторых современных библиографоведов (А. А. Гречихин, А. И. Оботзан). Гносеологическая слабость таких воззрений заключается в искусственном преувеличении управленческих качеств БИ.

Информация (библиографическая информация). Эта категория в современном библиографоведении абсолютизирована. Именно она до настоящего времени воспринимается как прин-

цип отграничения библиографического от неблиографического. В последнее время информационный подход явно сдает свои позиции, так как не раскрывает в полной мере библиографического потенциала.

Как видим, все названные категории освещают отдельные стороны, аспекты библиографии, а говоря конкретнее, библиографического доступа. Доступ обеспечивается рядом библиографических процедур – познания, идентификации, ценностной ориентации, пропаганды, рекламы, управления, информации (информирования). Поэтому в качестве «принципа отграничения» библиографического от иных социальных сфер (областей познания, информационной коммуникации, ценностной ориентации, культуры выступает, по нашему убеждению, интеллектуальный (идеальный) доступ к источникам знания (информационным объектам, фиксированным текстам).

ДОСТУП – обеспечение доступности какого-либо объекта, его освоение, возможность овладения им.

Различается доступ физический, библиотечный, библиографический, локальный, прямой, коллективный, случайный, последовательный, удаленный, графический.

Доступ к документам. 1) Возможность получения документов и /или их образов, освоения документов, приведения их в известность, идентификация; 2) процедура установления связи с устройством ЭВМ (электронно-информационной системы) для получения необходимой подборки записи данных.

Интеллектуальный доступ – ведущий признак, позволяющий распознать библиографию как явление. Это обеспеченный современными информационными технологиями идеальный доступ к фиксированным текстам, т. е. доступ на уровне идеального образа документа, зафиксированного на языке библиографической информации.

Доступ интеллектуальный; идеальный к документам обеспечивает возможность освоения документов на уровне библиограмм, библиографических образов (моделей), принцип отграничения библиографических явлений от неблиографических

Мы придаем термину «доступ» категориальное значение.

Интеллектуальный доступ мы понимаем как возможность освоения (в нашем случае) фиксированных текстов (документов, документных массивов, потоков) на уровне идеальных моделей, библиографических образов, проникновения в мир источников знания (документов, текстов), получения документов и /или их образов, приведения в известность, идентификации.

Подчеркиваем, что интеллектуальный или идеальный доступ, в отличие от физического доступа, например к книгам на полках библиотек в условиях открытого доступа, осуществляется на уровне идеальных (интеллектуальных) образов книг и других источников знания, зафиксированных на языке библиографической информации (БИ).

В среде специалистов бытует мнение о том, что любой доступ является интеллектуальным и относить его исключительно к библиографии некорректно. Конечно, интеллектуальная составляющая имеется и при физическом доступе, но именно библиографию характеризует интеллектуальный, идеальный доступ освоения мира информации. Ее уровень в системе документальных коммуникаций – уровень идеальных образов, моделей.

В настоящее время осуществляется как **традиционный интеллектуальный библиографический доступ**, так и **электронный доступ** – процедура установления связи с устройством ЭВМ (электронно-информационной системы) для получения необходимой подборки записи данных.

Интеллектуальный (идеальный) доступ значительно отличается от непосредственно документного (например, к книге в открытом фонде библиотеки).

Средство интеллектуального доступа – библиографическая информация может содержать сведения о библиографируемом тексте, независимо от их наличия непосредственно в объекте библиографирования, его оценку, интерпретацию и указывать на многообразные связи с иными текстами, элементами универсума человеческого знания.

Современная библиография как постпрото(нео)библиография

Интеллектуальный доступ к текстам, развитие всех указанных нами сторон библиографии тысячи лет осуществлялись методами прабиблиографии и традиционной библиографии, которые

в наше время дополняются (и вытесняются) современными компьютеризованными технологиями. Современная библиографическая реальность – это новая по своему характеру библиография – **постбиблиография XX в.** и одновременно – **протобиблиография** третьего тысячелетия. Часть слова «**пост**» указывает на то, что настоящая библиографическая реальность наступила «после» традиционной (классической), унаследовав от нее важнейшую социокультурную миссию обеспечения доступа к источникам знания и оправдавшую себя методику (технология) данной деятельности. Надо признать, что традиционная библиография, основанная на крайне неэффективной, мануфактурно-кустарной технологии, во многом исчерпала себя, и потому по отношению к прошедшей многовековой цивилизации настоящая компьютеризованная библиографическая реальность является собой как бы заключительный этап развития библиографии в ее изначальной форме.

Прото – часть сложного слова, указывающая на первичность, начало явления, исток, предвестие. **Протобиблиография** – начальный этап новейшей информационной цивилизации, зарождающаяся информационно-познавательная и ценностно ориентирующая инфраструктура грядущей развитой системы социальной, в том числе научной, коммуникации XXI в. и потому развитой в неясных пока для нас формах. Как выразился академик Международной академии информатизации Б. А. Семеновкер: «Мы являемся свидетелями «инкунабульного периода» электронной цивилизации» [5].

Мы не представляем реальных границ развития, способности библиографии в контексте компьютерной техники даже середины XXI века. Вполне возможно, что не за горами время, когда знания, информация будут непосредственно передаваться из мозга в мозг, но и в этом случае нужны будут средства для трансляции знания, идеального доступа к нему, а также для защиты от несанкционированных вхождений в интеллектуальные системы [4].

В печати появляются сообщения, что в России ведутся работы над созданием нанoeлектронных устройств, обеспечивающих беспроводной контакт человеческого мозга с окружающим миром в рамках программы развития электронной промышленности страны до 2025 г. Как полагают специалисты, по электрической активности мозга можно определить, каким типом мыслительного процесса занят человек. За рубежом пытаются реализовать беспроводную связь с мозгом, вживляя в него электроды. В России преобладает направление, при котором информацию отводят с поверхности головы. Как полагают ученые, в ближайшие годы чтение мыслей человека с помощью улавливания идущих от мозга электромагнитных сигналов станет реальностью [16]. Не исключено, что часть средств связи с мозгом будет называться библиографией.

Уже в настоящее время формируется **ноосфера – сфера разума** со своей регулирующей, навигационной и управляющей системой, т. е. соборный интеллект, соразум или совместимый разум, который образуется интеграцией человеческих сознаний через сеть электронных коммуникаций. Это ступень в создании всечеловеческого нейроквантового мозга. Ученые говорят о ноократии – форме политического устройства под началом «коллективного разума» электронных сетей.

Объектная область современной библиографии неуклонно расширяется за счет новых форм бытования квантов знания (информации), нетрадиционных текстов, медиа и т. д.

Как правильно считает доктор экономических наук Б. Л. Осиевич, «...процессы, которые проходят (в библиографии и библиотечном деле. – В. Ф.), очень тесно связаны с появлением новых средств. Эти средства не есть просто средства автоматизации тех процессов, которые осуществляются в библиотечном процессе в целом, это гораздо большее. Они порождают и новые требования, и новые принципы самого описания. Скажем, описание книги. Здесь возникают новые принципиальные возможности и новые требования к описанию и библиографированию. В частности, возникает необходимость перехода от линейного, сквозного описания, как мы привыкли, к описанию иерархическому, например графическому. Новые средства информатики порождают принципиально новый подход к самому библиотечному делу» [4]. Ученые говорят о зарождении так называемого **«надбиблиотечного» дела**. Собственно, и постпротобиблиографию можно понимать как «надбиблиографию», высший уровень по сравнению с традиционной библиографической деятельностью.

Сегодня создаются технические и технологические условия для превращения человечества в жителей глобальной деревни для формирования единой глобальной всемирной цивилизации, свободной от национальных, государственно-политических и других ограничений и охватывающей неумолимо все народы. Земной шар опутывается всемирной электронной паутиной, и человечество с некоторым страхом, но, тем не менее, неумолимо движется по информационной супермагистрале. При этом возникает проблема кросс-культурной коммуникации, взыскующей общечеловеческое в индивидуальном, групповом, национальном.

Интернет – убедительный аргумент в пользу формирования всемирной информационной цивилизации, т. е. постиндустриальной информационной культуры. Эта сеть транснациональна,

универсальна, интегративна в экономическом, социальном, научном, социокультурном и всех прочих аспектах. Интернет становится прочной платформой формирования и фиксации всемирного, а в перспективе – и всепланетарного универсума знаний человечества. Электронная сеть способствует становлению новой формы существования человека – виртуальных социумов, которые сольются в глобальное виртуальное сообщество. Наиболее развитое из существующих – сообщество ученых уже сейчас активно пользуется преимуществами, которые дает Интернет по сравнению с другими средствами научной коммуникации, в частности библиографией, в поиске, получении, генерировании информации. Как известно, научные коммуникации обеспечивают периодические и непериодические издания, отчеты НИР и ОКР, сообщения о результатах экспериментальных, социологических и иных исследований, диссертации, иные научные труды «на правах рукописи»; формальные и неформальные связи ученых, сотрудников научных учреждений, школ, разнообразные форумы, саммиты, материалы глобальных и локальных электронных систем и сетей; вторичные информационные документы, в том числе аналитические обзоры, реферативные издания, традиционные библиографические текущие, ретроспективные и перспективные пособия, информационно-библиотечные, библиографические службы и т.д.

Удельный вес в информационном пространстве, иерархия этих средств и источников информации постоянно меняются. Возникают и получают повсеместное распространение в научном сообществе новые информационные технологии и формы коммуникации. О том, как академические ученые в своей научной практике «голосуют» своими запросами за новейшие формы коммуникации, свидетельствует, в частности, высказывание академика Российской академии наук, крупного исследователя Жореса Алферова: «Нужно обратить очень существенное внимание на реально происходящие процессы смены технологии информации, передачи информации и распространения информации. Эти процессы приняли активные формы, мы в этом отношении отстаем... Я думаю, что электронными средствами распространения знаний, информации в научной среде нам нужно заниматься более активно. В библиотечном деле это революция, революция технологическая, революция, которая меняет, вообще говоря, очень многое. В нашей среде мы значительно чаще получаем нужную нам информацию и общение уже даже не на конференциях и не посредством чтения журналов, а посредством обмена информацией с помощью электронной почты» [4, с. 135].

Интернет предназначен для создания и распространения интеллектуальных движений через виртуальное пространство. Это одна из ступеней в интеграции нейронных и электронных сетей и в создании интеллекта (соразума). Приоритетное развитие «домашних страниц», e-mail, свидетельствует о повышении роли личности как источника информации, об интенсивном развитии персонаграфии как относительно самостоятельного направления научной коммуникации, имеющего в то же время древние истоки и восходящего к традиции устной информации. Человек в электронном мире выполняет, по существу, такие же функции, как и другие источники информации – документы, и в ответ на библиографический, по сути, запрос ученого коллеги выдает новый документ, содержащий релевантное знание. Память ученых и есть, собственно, та фундаментальная научная библиотека личного кодирования, в которой хранится «энциклопедия» определенного специального знания: имена-адреса распределенных знаний, ученых-индивидов – представителей различных школ и связанные с ними тексты.

Интернет стал местом общения для значительной категории ученых. Не случайно по отношению к Интернету все чаще употребляют слово «агора», что по-древнегречески значит «площадь», место демократического решения общественных проблем. Вместе с тем продолжают успешно функционировать библиографические произведения на бумажных носителях. Прежде всего это относится к творческим трудам библиографов – научно-вспомогательным ретроспективным указателям литературы, которые отличаются большой хронологической глубиной, исчерпывающим отбором научно значимых работ с помощью их логической оценки, высоким качеством информационно-библиографического анализа и синтеза.

Бархатная революция в библиографии в условиях новых информационных технологий, постнеклассики и постмодернизма

Переход к качественно новому состоянию библиографической реальности в конце XX – начале XXI вв. правомерно рассматривается нами как революция, точнее, как **бархатная революция в библиографии, нашедшая свое выражение в формировании постпрото(нео)библиографии.**

Постпрото(нео)библиография – это информатизационная библиография, базирующаяся в основной своей части на новейших информационных технологиях.

Профессор М. Г. Вохрышева, подвергая сомнению целесообразность выделения постбиблиографии как особого библиографического явления на том основании, что она базируется на новейших информационных технологиях, объявляет наш подход непродуктивным и иронически восклицает: «А всего лишь речь идет о том, что меняющиеся технологии ставят библиографию в новые условия. И только-то!» [1, с. 171]. Как мы увидим далее, речь идет не только об этом, но в значительной степени – о роли технологии. Было бы неправильно умалять значение для истории человечества технологических, научно-технических факторов.

Мы утверждаем, что смена технологий деятельности – достаточная причина для выделения периодов ее развития. К. Маркс полагал, что эпохи различаются не тем, что, а тем, как производится. Это суждение требует уточнения. Наша эпоха значительно отличается от предшествующих и номенклатурой производства, и его технологий.

Именно научно-технические революции обозначали границы исторических этапов, отличающихся один от другого и номенклатурой, ассортиментом (что производится?), и технологией производства (как производится?).

Мы показали в ряде работ [8-16], что новые технологии конца XX – начала XXI вв. существенно преобразили облик библиографии, сделали ее качественно иной, хотя основная ее миссия – обеспечение интеллектуального доступа к источникам знания (информации, ноосфере) – осталась неизменной. Благодаря новым технологиям неизмеримо повысились уровень библиографической деятельности, ее качество, скорость генерирования и распространения библиографической информации (БИ).

Практически исполнилась заветная мечта библиографов – по мановению «электронной волшебной палочки» уже сейчас принципиально возможно собрать все существующие книги в одном месте, в одно время, т. е. благодаря развитию электроники ныне вполне преодолимы пространственные, временные коммуникационные барьеры. Достигается так называемый **голографический эффект информации**, т. е. получение любой информации о любом объекте с любого технически оснащенного места.

В значительной мере разрушены и другие барьеры – национально-этнический, государственный, конфессиональный, классово-идеологический, партийно-политический и пр.

Напомним, что одним из первых разработал принцип голографии Г. В. Лейбниц. Его «маианада» – основа мира, способная к саморазвитию, обладает всезнанием, заключая в себе весь универсум.

Революционность происходящих в сфере библиографии изменений не вызывает сомнений. Данную революцию прежде всего можно определить как технологическую, прямое следствие научно-технической революции (НТР).

Новые технологии конца XX – начала XXI вв. существенно преобразили облик библиографии, сделали ее качественно иной, хотя основная ее миссия – обеспечение интеллектуального (идеального) доступа к источникам знания (информации) [27], к ноосфере осталась неизменной. Именно понятие ноосферы в современных представлениях о библиографии и ее метасистемы становится ведущим.

В результате научно-технических революций библиография стала существенно иной. Расширилась объектная сфера библиографии за счет знакографии, документографии, медиаграфии, видеоаудиографии, фильмографии, идеографии, смыслографии, изографии, интернетграфии и пр. Новейшая библиография вобрала в свою сферу весь универсум источников знания (информации). Несомненно, достижение этих целей, невиданное повышение эффективности, переход от кустарного, мануфактурного библиографического производства к постиндустриальному состоянию социально-информационной сферы – это революционный скачок, истинная революция, но не только технологическая, но и социальная. Это относится прежде всего к отечественной библиографии, которая была большую часть XX в. авторитарной, жестко управляемой партийно-государственными структурами. Авторитарное управление БД сменилось во многом ее самодвижением, саморазвитием, самоорганизацией на базе принципов синергетики.

В настоящее время вследствие технологических и демократических преобразований круг субъектов библиографической деятельности во много раз расширился. Сейчас практически каждый пользователь локальных и глобальных сетей сам себе библиограф. Он может генерировать и распространять в электронной среде библиографическую информацию. Коллективными субъектами БД ныне являются не только правящие партии, но и все структуры гражданского общества, обеспечивающие библиографическую поддержку решениям актуальных социальных проблем, среди которых почетное место занимает реализация национальной идеи. Библиографические уч-

реждения выступают в качестве равноправных партнеров различных государственных и общественных организаций, в частности партий.

Библиография перестала быть «служанкой», «вспомогательным средством», «винтиком». Она стала значимым компонентом всех социальных сфер, прежде всего культуры, науки, издательского дела, искусства и развивается во взаимодействии с ними, в общем русле информационных процессов, в частности процессов постмодернизма.

Ограничиваться только указанием на технологический фактор при объяснении явления постпрото(нео)библиографии было бы неверно. Второе ее основание – социокультурное. Наступила новая стадия развития социума, которая характеризуется глубокой трансформацией всех форм общественной жизни, включая науку и социальное управление, на базе научно-технической революции.

Библиографоведы давно указывали на соответствие структуры науки и ее информационно-библиографической инфраструктуры на каждом историческом периоде. Академик Ю. С. Зубов на этом основании даже определил библиографию как систему свернутого знания, указав, в частности, на то, как библиография отражала энциклопедичность, универсализм средневековой научной картины мира и тенденцию к отраслевизации в новое и новейшее время.

Постнеоклассическая наука характеризуется следующими специфическими чертами: отход от привычного, «классического» облика науки, личностность, личностно ориентированный характер, переключение внимания от объекта к субъекту познания, полиметодологизм, поликонцептуальность, толерантность, отрицание иерархического подхода к структуре науки. Сочетание глобализации и локализации в науке.

Постнеклассика разрушила представление о жестко детерминированной, иерархичной, стройной отраслевой структуре научного знания, показала множественность путей познания, непродуктивность традиционного дисциплинарного построения системы науки.

Картина мира, рисуемая «классическим» разумом, – это мир, жестко скрепленный причинно-следственными связями.

Представители постнеоклассики подвергают критике ньютоновскую модель науки, утверждая, что она «разрушается изнутри». Заметно стремление к глобализации, универсализации, полиструктурности научной картины мира, что довольно отчетливо отражает постпрото(нео)библиография.

Для новой, «постнеоклассической» парадигмы характерны синтез равноправных картин мира, концепций, теорий многомерного поля научного сознания, идейная и методологическая толерантность, философский плюрализм, смысловая полифония, выражающая многообразие учений, стремящаяся к целостности, семиотическая континуальность, растущая гетерогенность. Постнеоклассика полипарадигмальна, поликонцептуальна, полиметодологична, полиструктурна. Ее отличает стремление к глобализации и в то же время к локализации научных зон, сочетание дифференциации и интеграции научных областей новой формации, наличие в универсуме научного знания многообразных, порой противоположных, но гармонично сочетающихся в новой картине мира тенденций. В постнеоклассике заметно стремление к гомогенности универсума человеческого знания, господству универсального знания, определение сквозных проблем.

Современное электронное библиографическое пространство, отражающее глобальную постнеоклассическую науку, универсально и в то же время полифонично, имеет входы в информационные массивы – национально-этнические, региональные, религиозно-конфессиональные, гендерные, партийно-политические, идеологические, предметно-содержательные и иные. Достойное место в современной картине мира и, соответственно, в библиографии занимают предметные области, ранее рассматривавшиеся как лженауки, паранауки, псевдонауки, квазинауки и пр.

Современная наука находится в состоянии перехода к новой, основанной на неравновесности форме рациональности, которая выходит за пределы детерминизма и, следовательно, отрицает предопределенность будущего. Теория неравновесности обнаруживает нестабильность, эволюцию и флуктуацию везде, где классическая наука неизменно видела лишь повторяемость, стабильность и равновесие. Таким образом, ускоренное развитие информационных технологий и постиндустриального общества обуславливает новый уровень библиографии, который мы предлагаем назвать постпрото(нео)библиографией.

Библиография во всех своих ипостасях – явление динамичное, интенсивно развивающееся. Для ее развития характерна эволюция. Однако в истории библиографии наблюдались и революционные явления, которыми были ознаменованы переходы к новым этапам информационно-библиографической культуры. Подлинной революцией является, например, переход от рукописного к полиграфическому этапу развития информационной культуры.

Постмодернизм – совокупность тенденций в художественной культуре XX в., связанных с радикальной переоценкой ценностей авангардизма. В постмодернизме сняты прежние эстетические табу, все разграничения между «высоким» и «низким», прекрасным и безобразным. Отвергнута возможность преобразования жизни с помощью искусства, как утопическая. Представители постмодернизма приняли бытие таким, как оно есть, и, сделав искусство предельно открытым, наполнили его не имитациями или деформациями жизни, но фрагментами реальных жизненных процессов.

В философии постмодернизма декларируется открытость, отсутствие жестких иерархий, асимметричных оппозиционных пар. Сняты прежние эстетические табу, все разграничения между «высоким» и «низким», прекрасным и безобразным. Представители постмодернизма исходят из представления о неизбежной вторичности искусства, художественного факта.

Постмодернизм сознательно реализует стратегии игры, иронии, цитирования; широко использует цитаты из общеизвестных произведений минувшего и отличается полистилистичностью. В постмодернизме усиленное внимание уделяется экранной культуре, подчеркиваются те ее черты, благодаря которым стираются различия между истиной и ложью, сливаются в виртуальном пространстве реальность (действительность) и фантазия.

Платформы постмодернизма и постнеклассической науки обуславливают такие черты общественного, в частности научного сознания, как полиметодологизм, полипарадигмальность, полистилистичность, толерантность, коммуникативность, диалогичность, плюрализм идей, языков, моделей, методов, субъективность, поливариантность, множественность научных подходов, осознание релятивности как онтологического принципа, интерес к герменевтической категории понимания, к процессуальности, анализ науки как социокультурного феномена, разнородность, комплексность, диалогизм, персонализм, гуманизм. Выдвигаемые в постмодернизме идеи о «смерти автора», исчерпанности феномена авторства в культуре актуальны применительно к электронному библиографическому пространству, где проблема авторства стоит очень остро.

Мы видим, что установки постмодернизма вступают в прямое противоречие с рекомендательно-управленческой направленностью, аксиологическими ориентирами традиционной библиографии.

Идеалы постмодернизма и постнеклассической науки видоизменяют облик современной библиографии. К примеру, право на полноценное библиографическое отражение получают не только общепризнанные науки, но и так называемые квазинауки, лженауки, паранауки, псевдонауки.

Если энциклопедизм науки Средних веков и эпохи Возрождения предопределил становление библиографии как универсальной, а научное знание новой и новейшей истории развивалось как дисциплинарное, предметно-отраслевое, что привело к приоритетному развитию отраслевых и предметно-проблемных источников БИ, то новые веяния в постнеклассической науке также должны найти адекватное отражение в библиографии.

Наше время характеризуется возвратом к энциклопедизму, универсализму, глобализму, но уже на качественно новом витке развития. Глобальная научно-библиографическая картина мира – отнюдь не «Универсальная библиография» Геснера. Это качественно новое явление. Возникают вопросы: как в настоящем и будущем соотносятся, взаимодействуют направления, виды библиографии, такие, как универсальная, комплексная, отраслевая, тематическая, глобальная (мировая, всемирная, международная), региональная, национальные и пр.

На основе конкретного анализа массивов библиографической информации и других компонентов библиографической деятельности идею «бархатной революции» в библиографии еще предстоит наполнить конкретным содержанием, выяснить, как реально постулаты, идеалы постмодернизма и постнеклассической науки видоизменяют облик современной библиографии (постпрото(нео)библиографии XXI века).

В связи с переоценкой ценностей в постмодернизме и постнеклассике какие перспективы ожидают рекомендательную библиографию? Как строятся научно-информационные системы на базе библиографического общения на основе книги, диалога, учета принципов гуманизма, персонализма, плюрализма?

Особенно важен тот факт, что настоящая революция в библиографии – бархатная. В ее ходе фактически ничего не было разрушено, отброшено, за исключением идеологической надстройки и некоторых кустарных методик, несовместимых с современным уровнем НТП. В пространство постпрото(нео)библиографии органично вошли, согласно принципам эволюции, многие компоненты классической библиографии – продукты, методики, техники, традиции, этические профессиональные нормы, системы библиографических центров, основные теоретико-

методологические основания и пр. Все это гармонично сочетается с новыми информационными технологиями и продуктами.

Синергетический подход в современном библиографоведении и потенциал синергетики

Современные теоретики библиографии все чаще используют положения синергетики. И все же, как это ни парадоксально, вопрос, ставший уже классическим – «Что такое синергетика», остается открытым, и понимание его в этом качестве делает восприятие синергетики и ее применение в библиографоведении занятием достаточно сложным, поскольку в данном случае требуется владение навыками «перенастройки» мышления, навыками осознаваемого переключения мысленных образов-гештальтов, владение стратегиями переключения с одного способа мышления на другой.

Классическая методология здесь бессильна. Как считает автор публикации – доктор пед. наук, профессор, главный научный сотрудник ФГУ «Российская государственная библиотека» Валерий Александрович Фокеев, актуальная задача – создание принципиально новых методологических оснований, соответствующих ведущим положениям постнеклассики и синергетики.

Синергетика (от греч. Synergetikos – совместный, согласованно действующий) – научное направление, изучающее связи между элементами структуры (подсистемами), которые образуются в открытых системах благодаря интенсивному (потокосовому) обмену веществом и энергией с окружающей средой в неравновесных условиях, исследующее совместное действие многих подсистем, образующих структуру и соответствующее функционирование. В таких структурах наблюдается согласованное поведение подсистем, в результате чего возрастает степень ее упорядоченности, т. е. уменьшается энтропия.

Научная основа синергетики – термодинамика неравновесных процессов, теория случайных процессов, теория нелинейных колебаний.

Принято считать, что **синергетика – это наука о самоорганизации, саморазвитии, о сложном**, оперирующая такими понятиями, как «самоорганизация», «нелинейность», «открытость», «хаос», «энтропия», «сложность», «обмен информацией».

Синергетика есть познание и объяснение сложного, его природы, принципов организации и эволюции. В ее основу положена неравновесная термодинамика.

Предмет синергетики – противоположные процессы социобиологического характера, путь к сложному, рождение сложного и его нарастание, процессы морфогенеза.

Синергетика в качестве междисциплинарного направления исследований по сути своей плюралистична, существуя в разных формах, системах представлений, в разных языках, и эта плюралистичность есть внутренне присущее качество синергетики как по ее генезису, так и в контексте ее функционирования в системе современного постнеклассического познания. Ее основные черты – диалогичность, нелинейность, неоднозначность, метафоричность, вероятностный характер смыслов синергетических представлений и образов.

Синергетическая парадигма – парадигма « сетевого мышления », интересной коммуникации, диалогичности и креативности, свойственна стратегия «ухода» от прямых споров и контрпродуктивных конфронтаций.

Математическим инструментарием синергетики является прежде всего аппарат нелинейных дифференциальных уравнений, фазовые портреты, аттракторы, бифуркации и пр. Синергетика предлагает перспективу самопознания человеком самого себя как голографической части природной эволюции.

Эта наука с ее «нелинейной» концептуальной оптикой, с ее «лазерно-голографической парадигмой» делает видимым и наблюдаемым то, что невидимо и ненаблюдаемо в контекстах подходов к мозгу как системе, функционирующей в состоянии равновесия, гомеостаза, более того, как системы, основная функция которой и состоит в том, чтобы этот самый гомеостаз поддерживать.

Синергетика – междисциплинарное направление, и в этом качестве она обязана включать в себя и философское измерение.

Синергетика на современном этапе библиографической науки и практики выступает в качестве ключа познания новой библиографической реальности. Синергетическая парадигма в

библиографоведении означает нелинейное мышление в библиографической науке и практике. Синергетический стиль мышления – это стиль мышления современного библиографоведения как постнеклассической науки.

Выяснение сущности и характера бархатной революции в библиографии возможно в полной мере на основании именно положений **синергетики как теории самоорганизации систем**, которая сформировалась в последней четверти XX века на основе системно-информационного, структуралистского подходов, принципов самоорганизации, неравновесности и нелинейности развития.

Развитие идей синергетики прослеживается в трудах отечественных библиографоведов 1970-х- 2000-х гг. [1-26]. Теоретики библиографии нередко опирались на положения синергетики на интуитивном, спонтанном уровне. Для последних десятилетий XX века характерна постановка вопроса о специальном рассмотрении библиографических реалий с позиции теории самоорганизации систем. Некоторые теоретики осознанно применяли идеи синергетики в конкретных научных исследованиях, в процессе формирования собственных библиографоведческих концепций.

Ю.М. Тугов, исследуя рекомендательную библиографию с позиций системного подхода, писал о структуре рекомендательно-библиографической системы как упорядоченности устойчивых связей и отношений ее элементов [17, с. 43–44].

Библиографическую систему, возникновение которой обусловлено фактом существования книги и читателя как средством упорядочения отношений между ними или гармонизации документной базы общества в ее отношениях к нему, рассматривала **Э.К. Беспалова** [2, с.45; 3, с.29].

Ю.С. Зубов в рамках информационно-психологического подхода, считая вторично документальную сущность библиографии отправной точкой для исследования ее специфики и родовых связей с другими формами существования информации, подчеркивает ее основополагающее значение для изучения процессов становления внутренней самоорганизации библиографии. Синергетическая по своей природе мысль прослеживается в его утверждении о том, что достоинство библиографического управления читательской деятельностью состоит из органической связи управления извне и самоуправления со стороны читателя [5, с. 32, 34].

И.Г. Моргенштерн, говоря о рассеянии информации в пространстве и времени (энтропии), внешне напоминая движение Броуна, библиографическое пособие называет средством концентрации и упорядочения «броуновского движения» БИ [9, с.58–59].

Библиографическое описание как способ хаотической совокупности документов в систему, а библиографический учет – как инструмент упорядоченности информационной среды рассматривали **И.Л. Полотовская** и **Ю.А. Шрейдер** [13, с.29].

М.А. Тарасов, отмечая, что каждая система занимает в метасистеме определенное место, обусловленное той функцией, которую она выполняет по отношению к ней, эту функцию расценивает в качестве главного признака библиографической системы, ее первой и важнейшей характеристики. В этом утверждении проступает синергетическая идея об опосредующем звене системообразующего фактора самоорганизации как выявлении общей сущности и главной функции системы [16, с.25].

В отечественном библиографоведении определению основных функций библиографического феномена уделяется значительное внимание, что приближает взгляды теоретиков библиографии к синергетическому осознанию библиографии как функциональной самоорганизующейся системы.

В работах ряда теоретиков просматривается синергетическая идея о структурно-функциональном становлении и усложнении библиографии как самоорганизующейся системы под воздействием внешних и внутренних факторов.

Весьма органично идеями синергетики пронизано исследование Н. Б. Зиновьевой, в котором важно, прежде всего, его главное положение об информационной культуре как средстве гармонизации информационных процессов в обществе.

Вопрос об использовании синергетических идей в современном теоретическом библиографоведении ставился в работах **М.Г. Вохрышевой**, **А.В. Кумановой**, **А.Н. Дулатовой**, **В.А. Фокеева**. М.Г. Вохрышева выявила синергетический эффект библиографической деятельности.

Положения синергетики находят реализацию также в исследованиях **Г.Я. Узилевского**, который изучает библиографический язык с позиций семиотики, тесно связанной с теорией самоорганизующихся систем.

Наблюдается достаточно активное использование библиографоведами научного языка теории самоорганизации, в частности, таких как синергизм, энтропия, когерентность, нелинейность, дополнительность, случайность, становление (организация), саморегуляция, самоуправление, гармонизация, синергетический эффект и пр.

Проблемы развития библиографии в контексте синергетического подхода изучал **О.М. Зусьман** [6]. **Т.А. Новоженова** в монографии «Методологические основания общей теории библиографии» [12] и сборнике статей «Российское библиографоведение» [15] охарактеризовала синергетику как методологию библиографоведения, представила свое понимание синергетической концепции библиографии. **Т.А. Новоженова** утверждает, что правомерность изучения библиографии с позиций синергетики обуславливается ее объектом, которым являются самоорганизованные системы открытого типа разной природы. Еще раз подчеркнем, что **современная синергетика** – междисциплинарное научное направление, изучающее эволюцию больших, сверхсложных, открытых, нелинейных систем с обратной связью, которые существуют при постоянном обмене с внешней средой. Проще говоря, это дисциплина, посвященная самоорганизации сложных систем, к каковым относится и библиография.

Библиографию правомерно рассматривать как особым образом организованную открытую систему, которая обладает всеми качествами объекта, при наличии каковых синергетический подход правомерен. Библиографическая система состоит из нескольких взаимодействующих частей, функционирующих по собственным правилам, характеризуется открытостью, нелинейностью, неустойчивостью развития.

По своим правилам развиваются такие ипостаси библиографии, как библиографическое знание (информация), выражающееся в потоке и массивах документов – источников знания; библиографическая деятельность, библиографический социальный институт и библиографическая культура.

Синергетика библиографии – раздел синергетики социальных систем, исследующий взаимосвязи между уровнем элементного строения библиографии как системы и уровнем ее динамических свойств как целостности. В то же время весьма аргументированно мнение Н.А. Слядневой, утверждающей, что библиография – сложная общественная и естественноисторическая система, а ее становление и развитие – естественноисторический процесс.

Открытость библиографии проявляется в воздействии на ее объект, в частности документ, всех социальных сфер, достижений всех отраслей знания, культуры, научно-технического прогресса, цивилизации, вызывающих изменения содержания, форм, количества документов, зафиксированной в них информации.

Синергетика подтверждает в качестве исходного начала открытых систем жизнедеятельность человека как источника стихийности, неупорядоченности, случайности и в то же время организованности в их развитии.

Определения основных понятий библиографии с позиций синергетического подхода принимают следующую форму.

Библиография – открытая социальная и естественноисторическая самоорганизующаяся система, обеспечивающая интеллектуальный доступ к источникам знания (информации) на уровне их идеальных образов (моделей). Библиография отвечает требованиям синергетики. Это сверхсложная система, обладающая сверхсложной организацией. Ее отличают такие черты, как открытость, нелинейность, неустойчивость развития. Она состоит из нескольких взаимосвязанных частей (подсистем), которые можно рассматривать как относительно самостоятельные системы – документные, библиографические ресурсы, в частности библиотечный фонд, справочно-поисковый аппарат, пользователи (потребители БИ) и пр.

Библиографическая информация – информация об источниках знания, информации в системе, центральный общий элемент библиографии, выражающий ее сущность, определяющий структуру, свойства, взаимоотношения библиографии с внешней средой и обуславливающий ее основную функцию.

Исходный пункт теоретического воспроизведения библиографии соответствуют общим представлениям об исходном пункте синергетического феномена. Это элементарная, простейшая структура самоорганизующихся систем, включающая две взаимодействующие противоречивые стороны, взаимопереход которых осуществляется с помощью опосредующего звена, образующегося во время их взаимодействия. Данное звено предстает в роли связи обеих сторон этого противоречия, являясь ядром, главным ядерным элементом системы, обуславливающим ее внутрисистемные отношения и связь с внешней средой. Как диалектический синтез противоположностей, оно содержит в себе их общее, отражает структурно-функциональное положение цен-

трального звена в системе, а также определяет ее специфику, свойства, строение. По мере развития системы ее ядро может приобретать различные формы, но сущность его остается неизменной.

Принятое в концепции документальных коммуникаций отношение «документ-потребитель» и представляет собой, как полагают О.П. Коршунов и его последователи, две противоположные стороны элементарной структуры библиографии, взятые в абстрактном виде, противоречие между которыми реализуется посредством БИ, выступающей ядром будущей библиографической системы. В качестве исходного пункта также предлагалось библиографическое сообщение, отражающее знание о двух составляющих системы – о документе (Д) и потребителе (потребностях, П).

Как синтез элементов простейшей структуры библиографии, БИ является ее двуединым выражением, обозначающим неразрывную связь между Д и П, и, как результат взаимодействия в библиографической системе, призвана обеспечить стабильность равновесия между потоками документов и их потребителями. Библиография развивается в направлении усложнения своей структуры, складывающейся под влиянием изменений обеих сторон системы, испытывающих воздействия внешних факторов и свойственных им собственных закономерностей развития, обуславливая тем самым сложную структуру библиографии.

Поскольку сущность ядра любой системы не меняется, независимо от того, какую форму оно приобретает в дальнейшем, БИ присуща всем структурным компонентам и уровням библиографии, что делает их тождественными как главному ядерному элементу, так и друг другу.

В соответствии с тем, что системообразующий фактор рассматривается как субстанция, сущность и главная функция самоорганизующейся системы, БИ оказывается центральным общим элементом библиографии, выражает ее сущность и главную функцию самоорганизующейся библиографической системы.

Основная функция библиографии как самоорганизующейся системы – ее посредническая роль между сторонами исходного противоречия библиографической системы Д-П, выражающаяся в информации о документах.

Основное условие возникновения (генезиса) самоорганизующейся библиографической системы – непрерывное поступление определенных количеств документальной информации, ее источников, что вызывает неравновесное состояние системы.

Тяготение к неравновесности в соответствующих условиях переводит библиографическую систему в новое качество, характеризующееся более высоким уровнем упорядоченности.

Исследователи, изучающие библиографию как сложное ЧТО?, прежде всего задаются вопросами: **Как возникает библиография** (сложное), Как возможна смена форм (усложнение формообразований в библиографии), Как возможная цепная реакция усложнения библиографического феномена?

Генезис библиографии был обусловлен закономерностями развития социальных коммуникаций в древнее время. Корни (биосоциальные, социокультурные, информационно-коммуникативные), истоки библиографии уходят очень глубоко в историю человеческой цивилизации. По мере усложнения человеческой деятельности, развития психики первобытного человека возникло и приобретало все более сложную структуру общение, как вполне закономерное следствие генезиса и развития общественных отношений. Произошел качественный скачок – возник язык, отличающий человека от животного с его примитивной звуковой сигнализацией.

Предпосылки возникновения БИ в дописьменный период существовали в форме мысленных образований в мозгу человека, моделей, «свернутых образов» различных реалий или, как бы сказали ныне ученые, своеобразных фреймов. Общение, обмен информацией между людьми при помощи устной речи, передача смыслов (фреймов) есть первый шаг на пути воплощения идеальной, абстрактной, личностной, субъектной информации в материальную форму.

В эпоху верхнего палеолита – ок. 10-12 тыс. лет назад – возникла и начала реализовываться потребность в новой форме общения – письменности. Появление письменности сделало возможным не только отчуждение информации – результата работы человеческого сознания от самого познающего субъекта, но и ее овеществление, объективизацию, «суверенизацию». Можно с уверенностью утверждать, что коммуникационные, идентифицирующие информационные объекты, ценностно ориентирующие в мире информации средства, которые ныне именуются библиографическими, появились несколько тысячелетий назад вслед за появлением текстов на различных носителях.

Исторически первая точка бифуркации – раздвоение общего документального потока на традиционный, содержащий первичную информацию, и вторично-документальный (библиографи-

ческий), что позволило обозреть хаос документов, упорядочить знание о них, преодолеть временные и пространственные информационные барьеры.

Уже в пору распространения т.н. предметного письма тысячелетия назад формировалось знание о знаках – предметах – средствах первобытной коммуникации.

Документ является материальным носителем зафиксированной на нем информации, в частности о самом документе. Постепенно, с возрастанием количества документально зафиксированных текстов, включенных в систему социальных коммуникаций, в документной культуре появились новые проблемы, подлежащие решению.

Возникла потребность в преодолении мешающих общению людей «на уровне документа, книги» информационно-коммуникационных барьеров, таких как формальные (разнообразие форм документов), содержательные (разнообразие содержания документов), количественные (значительное число документов) и качественные (различная степень качества, ценности документов), этнонациональные, политико-идеологические, государственные, языковые, типологические, временные (рассеяние документов во времени) и территориальные (рассеяние документов в пространстве) и т.п.

Важная причина появления библиографии с ее сложной структурой – коммуникационный барьер, связанный с антропологическими факторами, с необходимостью преодоления биосоциальных противоречий информационных процессов древнего общества. Это противоречия между неограниченной социальной практикой человечества и требуемыми для этого знаниями, с одной стороны, и ограниченными антропометрическими параметрами индивидуального сознания, ограниченными способностями человека создавать, осваивать, воспринимать, перерабатывать, запоминать, усваивать определенные объемы информации – с другой.

Как только объем и разнообразие информационных объектов (смыслов, документов, текстов), накопленных человеческим обществом, стали несоразмерными параметрам индивидуального сознания и специфике древних информационных коммуникаций, основанных исключительно на живой памяти, устном общении, возникла необходимость в экономии ресурсов сознания, памяти, оперативного мышления и коммуникативных усилий. Эти потребности сформировали приемы, методы идеографии, т.е. обозначения квантов информации, знания с помощью идеограмм, фактограмм, библиограмм, свертывания их смыслов, содержания и оперирования этими единицами информации вместо оригиналов-документов.

Фундаментальные предпосылки, лежащие в основе зарождения библиографии, уходят корнями в биосоциальную природу человека, что созвучно идеям семиотики, согласно которым все существующие знаковые системы – это усилители такого естественного органа отражения, как мозг, и там, где мозгу не хватает естественных сил, например для запечатления материала или оперирования большими массивами разнообразных данных, ему приходят на помощь эти «усилители», к которым в настоящее время относится, в частности, компьютер.

Уже на ранних стадиях развития человечества библиография формировалась как система, способная преодолевать коммуникационные барьеры, упорядочивать информационные массивы, определенным образом их перерабатывать, создавать новые источники, представляющие знание в свернутом, более обозримом, рациональном, удобном для использования в разных целях виде. Возникновение потребностей в установлении взаимосвязей между фиксированным знанием (информацией) и потребителем стимулировало создание социально-коммуникационного механизма удовлетворения «информационно-потребительского спроса» специфическими средствами, совокупность которых и обозначается понятием «библиография». Суть библиографии обусловлена объективным фактом существования фиксированного на любом материальном носителе знания, обеспечения доступа к этому знанию отдельным лицам и сообществам.

«Свернутые» данные об информационных объектах, которые мы сейчас квалифицируем как библиографические, с появлением письменности вкраплялись в тексты различного содержания – трактаты, личные письма, завещания и т.д. Правомерно назвать этот этап информационной культуры добиблиографическим, или предбиблиографическим, так как о целостной целенаправленной БИ тогда не могло быть и речи. Затем библиографические данные выделились в особый вид документов, ориентированных в рукописных книгах. В результате раздвоения общего документального потока появилась прабиблиография, или пинакография со своими специфическими задачами. Документальный поток значительно усложнился, структурировался.

Библиографическое отражение как усилитель интеллектуально-информационной деятельности людей возникло, как и все субстраты знакового отражения, стихийно, а затем библиография развивалась и совершенствовалась вполне осознанно, эволюционируя от элементарных форм до ЭВМ, которые являются универсальными «усилителями» отражательной, коммуникационной, ценностно-ориентировочной, социокультурной способности человека, сообществ, общества.

Становление библиографии как самоорганизующейся системы проходит в два этапа.

Первый этап – латентный, скрытый. Он знаменуется постоянным увеличением библиографических элементов и их концентрацией, что подводит к скачку в развитии системы. Второй этап – явный, характеризующийся образованием новой организации, объединением элементов в качественно иную систему. В итоге увеличения количества библиографических элементов (прежде всего библиограмм) в их разнообразии информационный поток растекается во времени и пространстве (энтропия). Он становится необозримым, труднодоступным.

Представляя в этом плане неравновесную, неустойчивую систему, библиография характеризуется ослаблением прежних типологических, содержательно-предметных, пространственно-временных и иных связей между ее элементами (документами, библиограммами, потребителями БИ), информационный поток неуклонно движется к переломному моменту, определяемому в синергетике как точка бифуркации (раздвоения) системы.

Бифуркация системы выражает ее кризисное, критическое, пороговое, крайне неустойчивое состояние, разрешение которого может произойти в двух направлениях. Одним из них остается движение по прежнему пути развития документально-библиографического потока.

В истории библиографии таких точек, определяемых по разным основаниям, было несколько. Первая точка бифуркации, собственно библиографии – это период перехода от прабиблиографии, т.е. библиографии рукописей, к библиографии печатной книги, затем – наше время существования двух библиографических культур – традиционной и электронной библиографии. Второй путь существования и функционирования библиографической системы отмечен «скачком» как явным этапом возникновения новой, более высоко организованной библиографической структуры по отношению к предыдущей.

Точками бифуркации отмечены раздвоение «единой» (универсальной) библиографии на универсальную и отраслевую в средние века и новое время, на национальную и глобальную – в конце XX – начале XXI века и пр.

Положением о бифуркации (раздвоении) обосновываются два пути развития прежней системы. Бифуркация выводит библиографическую систему за ранее существовавшие пределы ее качества. Начинают функционировать более высокоорганизованные образования с усложненной структурой, степенью и интенсивностью БИ. На примере традиционной и электронной библиографии новое качество библиографической системы, как более высокая степень ее эволюции, и сохраняет жизненно важные прежние элементы, и включает нечто новое по сравнению с предыдущим ее состоянием, поскольку оба уровня выступают конкретными проявлениями лежащей в их фундаменте сущности (БИ, которая обеспечивает интеллектуальный (идеальный) доступ к источникам знания).

Информация на микроскопическом уровне увеличивает надежность и эффективность документально-библиографической системы. При этом новый, «послебифуркационный» уровень библиографической информации приобретает новую семантику, связанную с образованием и специфическим режимом новой БИ. Библиографическая система становится более адекватной, надежной для хранения и передачи БИ.

Библиография, которую можно рассматривать с точки зрения синергетики как систему документов, представленную в экономайной форме, выступает в качестве нового уровня документальной системы, где документный поток, имеющий тенденцию к энтропии, становится наблюдаемым, а сама библиографическая система посредством собственной обновленной семантики – более надежным средством хранения и распространения БИ.

В процессе библиографирования осуществляется переработка информации, присущей документальному потоку, и получается информация нового качества, свойственного уже библиографии, в результате чего уменьшается стохастичность, неравномерность, нестабильность прежней системы, а следовательно, становится преодолемым рассеяние самих документов с зафиксированной в них информацией.

Именно переход документальной системы из менее устойчивого состояния в более и максимально устойчивое, при котором происходит уменьшение энтропии, – это начало появления БИ, в результате чего упорядочивается движение документального потока.

Рост количества и разнообразия документов в формально-типологическом, целевом и содержательном отношениях соответствует одному. Понятие «**хаос**» – одна из ведущих категорий синергетики и, соответственно, теории библиографии, важный момент в развитии любого процесса, поскольку содержит конструктивные возможности созидания, выступающие организационным началом нового системного образования.

Хаос, рассматриваемый как источник порядка, закономерный этап его возникновения, одна из сторон синтеза документов, формой которого предстает **диссипативная структура**. Библиография как синтез хаоса в документальном потоке и его порядка в ней самой является диссипативной структурой со всеми присущими ей чертами и свойствами.

Уже **объекты библиографии** – документальные потоки и массивы – это саморазвивающиеся системы со своими, вполне познаваемыми закономерностями, а не «реальный хаос рассеяния», которому, в соответствии с концепцией О. П. Коршунова, библиография противопоставляет определенным образом упорядоченные и зафиксированные сведения о документах. Библиография не «противопоставляет», а обнаруживает в системах социальных коммуникаций закономерные связи и отношения, делает их ясными, зримыми.

Важнейшая проблема синергетического направления библиографической науки – исследование законов образования упорядоченных структур из хаоса «невидимых» структур.

Библиография существует во внешней среде – метасистеме, с которой обменивается информацией, в результате чего формируется как сложная открытая неравновесная система, сочетающая в себе порядок с хаосом. Взаимосвязанность ее структурных компонентов обеспечивает порядок, позволяющий ей адекватно реагировать на внешние факторы и сохранять свою устойчивость.

Адекватность библиографии, реализуемая посредством увеличения ее собственного разнообразия, подразумевает ее разделение и специализацию влияющей на нее среды. Упорядочивая в свернутом виде отдельные части документальных потоков и массивов, выделяемых по множеству формальных и содержательных признаков, библиография сама приобретает разнообразие на уровне видов источников БИ-библиографических пособий. Этому процессу соответствует дифференциация элементов библиографической системы на основе ее индивидуальных различий и характера воздействующей на них внешней среды, которая выступает механизмом сохранения устойчивости системы.

Противоположный дифференциации процесс интеграции происходит при условии и на основе дифференциации элементов библиографической системы. Он обуславливает их объединение в общую структуру сложносистемной организации.

Библиографической интеграции и дифференциации сопутствуют иерархизация и деиерархизация системы, также представляющие собой взаимосвязанные стороны механизма существования и развития самоорганизующихся систем. Чередование этих процессов является закономерностью их самоорганизации как сложных образований и обеспечивает сохранение их устойчивости во внешней среде.

Библиографическая система в своем приближении к идеалу должна представлять собой разветвленную сложноструктурированную систему, обладающую всеми необходимыми элементами в зависимости от многообразия своего объекта – документного потока и социальных потребностей в информации о нем и постоянной готовности воспроизводить новые структуры, чтобы гибко и адекватно реагировать на новые, постоянно возникающие в объекте изменения и оперативно отражать их.

Интеграцией и дифференциацией, как закономерностями развития самоорганизующихся систем, обуславливается формирование библиографии как сложноструктурной системы. Согласно положениям синергетики, опосредующее звено системообразующего фактора самоорганизующейся системы являются ее фундаментом.

Поскольку в свете синергетики системообразующим фактором библиографии предстает система Д-П, а опосредствующим звеном – библиографическая информация (БИ), сложная структура библиографии как самоорганизующейся системы строится под воздействием изменений обеих сторон системообразующего фактора (Документ – Потребитель), которые органически соединяются в БИ.

В соответствии с воздействием на библиографическую систему потребностей в БИ и с направлениями удовлетворения этих потребностей образуются виды библиографической деятельности. Потребности общества в БИ, как важнейшем ресурсе его развития, обуславливают процессы ее производства, подготовки информационно-библиографических изданий, пособий, формирования их системы.

Потребности в использовании этой информации являются основой другого ведущего направления, или вида, библиографии – библиографического обслуживания потребителей БИ. Реализация всех потребностей в целом предопределяет создание специальной отрасли духовного производства со специфическими учреждениями, кадрами.

Для библиографии как для каждой самоорганизующейся неравновесной системы характерно на определенных этапах ее развития появление нового хаоса уже на уровне источников библиографической информации, также выражающегося в увеличении числа и разнообразия источников БИ, что подводит библиографическую систему к очередному этапу ее развития.

Нелинейность библиографии проступает в новом уровне ее самоорганизации, когда ее объектом оказываются не документы – носители первичной информации, а источники БИ, развитие которых также подвержено процессам хаоса и порядка и на определенном витке развития вызывает новую бифуркацию – раздвоение библиографического потока на собственно библиографический и метабиблиографический, в результате чего возникла библиография библиографии, которая становится подсистемой библиографического управления, средством библиографической самоорганизации.

С точки зрения синергетики выстраивается иерархия информационных самоорганизующихся систем. Содержание исходного, первого информационного хаоса в социальной сфере – знания, упорядоченные в документах, хаос которых упорядочивается далее библиографической информацией как основой системы библиографии.

Синергетическое действие – это действие исподволь, исходя из собственных форм образования, собственных сил, способностей, потенции. Это стимулирующее действие. Данное положение особенно важно для осмысления роли рекомендательной библиографии в образовании и самообразовании человека. Синергетический подход к образованию на основе БИ, книги (синергетика библиообразования) может быть охарактеризован как гештальт-образование. Процедура самообразования, формирования читательской культуры, личностного круга чтения – это нелинейная ситуация открытого диалога читателя и библиотекаря-библиографа, прямой и обратной связи, попадания (в результате решения проблемных ситуаций чтения) в свой самосогласованный темпоритм. Гештальт-образование в библиотеке – это стимулирующее или пробуждающее образование на основе книги, открытие себя или сотрудничество с самим собой и другими людьми.

В наше время стало ясно, что библиографии, как сложноорганизованной системе, нельзя навязывать путь ее развития. Необходимо понять, как способствовать собственным тенденциям ее развития и организации, как обеспечивать реализацию библиографической системой собственного пути.

Стремление к созданию системы библиографии или, точнее, источников БИ, к четкой организации библиографической деятельности всегда отличало советскую библиографию. Однако призывы к созданию целостных систем библиографических пособий повисали, как правило, в воздухе, оставались нереализованными. Причина этого – недооценка факта, что библиография является самоорганизующейся системой, развивающейся по законам синергетики. Так, органы управления библиографии в своей борьбе против «параллелизма» и дублирования в библиографической системе региональным библиографическим центрам предписывали подготавливать и выпускать библиографические пособия, исключительно связанные по тематике с конкретным регионом, и не заниматься библиографическим обеспечением общенаучных проблем, что являлось прерогативой общесоюзных центров. Такое «внешнее» управление не учитывало многих внутрисистемных библиографических факторов.

В соответствии с положениями синергетики, управление любой социальной системой, в частности библиографической, успешно лишь как нелинейное. Как показал опыт советской библиографии, усилия насильственного воздействия на нее без учета внутренних механизмов ее саморазвития обречены на неудачу, и, напротив, закономерности внутреннего саморазвития, самоорганизации библиографии вызывают такое прогрессивное явление, как бархатная революция в библиографии, не навязанная «со стороны», а являющаяся результатом синергетических процессов. В то же время синергетика не отрицает важности социального внутрисистемного управления с учетом принципов самоорганизации, в частности программирования социокультурных, в том числе библиографических, явлений. Не случайно, что во всех сферах государственного, социального управления программный подход ныне очень востребован. Яркий пример этого – Национальная программа поддержки и развития чтения в РФ, которая была разработана в 2006 году такими структурами, как Межрегиональный центр библиотечного сотрудничества, ООО «Стратегика» [6].

Потенциал библиосинергетики в наше время мы видим в изучении тенденций библиографического саморазвития, самоорганизации и в оказании содействия прогрессивным библиографическим тенденциям. Государственное регулирование библиографических процессов, управление ими должно быть настроено на то, чтобы запустить механизмы самоорганизации, потенциально заложенные в библиографической системе.

Синергетика демонстрирует нам, каким образом и почему хаос в мире документов и БИ может выступать в качестве созидющего начала, конструктивного механизма эволюции, как из

хаоса собственными силами может развиваться новая организация. Синергетика свидетельствует о том, что, как правило, существуют несколько альтернативных путей развития библиографии.

Настоящее состояние библиографической системы определяется не только ее прошлым, ее историей, но и строится, формируется из будущего, в соответствии с грядущим порядком. Синергетика открывает новые принципы сборки сложного эволюционного целого из частей, построения сложных развивающихся структур из простых.

Библиография как целое уже не равно сумме частей. Она не больше и не меньше суммы частей. Новое библиографическое ЦЕЛОЕ КАЧЕСТВЕННО ИНОЕ. Синергетика дает знания о том, как надлежащим образом оперировать сложными управлять библиографическими системами.

Синергетика раскрывает закономерности и условия протекания быстрых, лавинообразных процессов и процессов нелинейного, самостимулирующего роста.

Итак, понятие самоорганизации (синергетики) может быть адаптировано к библиографическим явлениям. Комплексный характер синергетической теории базируется на гомологии – однородности процессов самоорганизации сложных систем. Становится возможным и целесообразным использовать научные средства синергетики в качестве метатеории для изучения библиографических феноменов, концепций с целью установления их целостности, непротиворечивости, методологической корректности, достаточности для объяснения библиографической реальности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Беспалова Э. К. Проблемы и перспективы деятельностного подхода к исследованию библиографии/ Э. К. Беспалова //Теоретико-методологические проблемы современного советского библиографоведения. Межвуз. сб. науч. тр. – М., 1981. – С.41–57.
2. Беспалова Э. К. Функции библиотечной и библиографической систем/ Э. К. Беспалова// Науч. и техн. б-ки СССР. – 1984. – №6. – С. 27–37.
3. Вохрышева М. Г. Теория библиографии / М. Г. Вохрышева. – Самара: Изд-во СГАКИ, 2004. – 368 с.
4. Зиновьева Н. Б. Библиография в структуре информационной культуры. Теоретико-методологическое исследование: Дис. доктора пед. наук/ Н. Б. Зиновьева. – Краснодар, 1998. – 402 с.
5. Зубов Ю. С. Библиография и художественное развитие личности. Моногр. / Ю. С.Зубов. – М.: Книга, 1979. – 144 с.
6. Зусьман О. М. Развитие библиографии в контексте синергетического подхода //Человек в мире искусства. Информационные аспекты. Междунар. науч. конф. – Краснодар, Новороссийск. 7-10 сент. 1994 г. – Тез. докл. Ч.П. – Краснодар,1994. – С. 316–318.
7. Корифею Российского библиографоведения – 80 лет [Олег Павлович Коршунов] // Мир библиогр. – 2006. – № 1. – С. 2 обл.
8. Леонов В. П. Библиотечно-библиографические процессы в системе научных коммуникаций/ В. П. Леонов. – СПб.: БАН, 1995. – 139 с.
9. Моргенштерн И. Г. Информационное общество: Учеб. пособие. – 2-е, испр. и доп. издание/ И. Г. Моргенштерн. – Челябинск, 2000. – 128 с.
10. Национальная культура и библиотеки: науч. семинар в РГБ //Библиотековедение. – 2000. – № 3. – С. 6–15.
11. Национальная программа поддержки и развития чтения // Библиотечная газета. – 2007. – №1. – С. 7–10. – № 2. – С. 5–7.
12. Новоженова Т. А. Методологические основания общей теории библиографии /Т.А. Новоженова. – Краснодар, 2003. – 308 с.
13. Полотовская И. Л. Будущее наступает сегодня. Документ как объект библиографирования/ И. Л. Полотовская, Ю. А. Шрейдер // Сов. библиогр. – 1988. – № 1. – С. 28–34.
14. Предмет дискуссии – постпрото(нео)библиография XXI века // Мир библиографии. – 2005. – № 6. – С. 2–13.
15. Российское библиографоведение. Итоги и перспективы: Сб. науч. статей. – М., 2006. – 688 с.
16. Тарасов М. А. С методологическим посохом по коршуновским, соколовским и иным местам / М. А. Тарасов // Библиогр. – 1997. – № 2. – С. 20–32.
17. Тугов Ю. М. Рекомендательная библиография – объект системного исследования / Ю. М. Тугов// Сов. библиогр. – 1970. – №3. – С.40.
18. Узилевский Г. Я. «Золушка» библиографирования /Г. Я. Узилевский// Сов. библиогр. – 1991. – №5. – С.29–34.

19. Фокеев В. А. Библиография: теоретико-методологические основания: учеб. пособие/ В. А. Фокеев; науч. ред. Г. В. Михеева; предисл. А. В. Соколов. – СПб.: Профессия, 2006. – 352 с.
20. Фокеев В. А. Природа библиографического знания: Монография / В. А. Фокеев. – М.: РГБ, 1995. – 352 с.
21. Фокеев В. А. Постпрото(нео)библиография начала XXI века / В. А. Фокеев, Ю. В. Нестерова // Библиотечное дело-2003: Гуманитарные и технологические аспекты развития: Материалы Второй междунар. науч. конф. Москва, 24-25 апр. 2003 г. – М., 2003. – С. 92–93.
22. Фокеев В. А. Постпрото(нео)библиография: экспликация понятия / В. А. Фокеев // Мир библиографии. – 2004. – № 6. – С. 2–7.
23. Фокеев В. А. Современные библиографические реалии: постбиблиография XX века и протобиблиография III тысячелетия / В. А. Фокеев // Парадигмы XX века: информационное общество, информационное мировоззрение, информационная культура: Материалы Междунар. науч. конф. Краснодар, 16-18 сент. 2002 г. – Краснодар, 2002. – С. 359–362.
24. Фокеев В. А. Человек и человечество информационной магистрали / В. А. Фокеев // Информационная культура личности: прошлое, настоящее, будущее: Междунар. науч. конф. – Краснодар – Новороссийск, 20-24 сент. 1996 г. – Краснодар, 1996. – С. 402–404.
25. Фокеев В. А. Электронная библиография как компонент постпрото(нео)библиографии – нооинформационного феномена XXI века/ В. А. Фокеев // Румянцевские чтения: Материалы междунар. конф., 2005 г. – М.: РГБ, 5-7 апр. 2005 г. – С. 253–256.
26. Чтение мыслей – реально// Аргументы и факты. – 2007. – № 38. – С.7.
27. Ядрова Г.В. Новый термин как импульс к развитию библиотечной отрасли / Г.В.Ядрова // Мир библиографии. – 2005. – №6. – С. 11–13. – Библиогр. в конце ст.: 7 назв.